

Евсей Цейтлин
Дальняя дорога
(О поэзии Игоря Киселева)

// Цейтлин Е.Л. Так что же завтра?..: литературно-критические статьи и очерки. – Кемерово: Книжн. изд., 1982. – С.163-173.

*...И вчерашнее утро, светясь от азарта,
Улетело с веселою песенкой в завтра.*

Игорь КИСЕЛЕВ

...Я был недавно в одной из деревень Алтайского края. Обычное село. И обычная жизнь. Работа, любовь, дети, постепенно подкрадывающаяся старость. Понимание того, что многого уже не вернешь. Понимание того, что многое и не надо менять... Словом, ничего нового. То же, что и на всем белом свете. Но я немало передумал здесь. Я читал стихи Игоря Киселева, родившегося в этих местах. Он и написал:

Село на трех дорогах.
Там, прихвастнуть не грех,
Я знаю все про многих
И многое про всех.
Там, прислонясь к частушке,
Бесстыж и в меру пьян,
У старенькой церквушки
Похаживал баян.
...Я много лет там прожил.
Там так меня тревожил
Девичий голосок,
Негромок и высок.
Там Катенька Смирнова
Любила одного,
А вышла за другого...
Но это ничего.

Не хочется прерывать поэта. Даже если цитата затягивается.
Напротив - хочется идти дальше за автором.

Незадолго до его смерти вышла пятая поэтическая книга поэта. В сущности, это было «Избранное».

Пятая книга? Не мало ли? Ведь и он, автор, завершал свой пятый жизненный десяток. А все предыдущие сборники были невелики по объему. И ни одной книги в столице...

Признаюсь: я всегда видел здесь обидную несправедливость. И прежде всего - по отношению к тому читателю, что лишен возможности общения с серьезным и умным поэтом.

Однако чем больше вдумываешься в строки Игоря Киселева, тем

яснее понимаешь: эта судьба избрана им самим. Определена в главном его отношением к слову и к своему призванию. Мы еще заметим: в стихах Игоря Киселева идет речь о многих и разных дорогах. Но вот одна из них, четко прочерченная, - дорога поэта:

Твой путь по бумаге огромен.
Ты вышел.
Ты нищ и бездомен.
Что толку в достатке и доме,
Когда ты у всех на ладони!

Обычно Игорь Киселев задает вопросы себе и читателю, многое как бы перепроверяет. Но для него бесспорна, единственно возможна такая жизнь в искусстве. И такая дорога:

Над белой бумагою снова
Споткнусь, потрясенный, с разбега...
Ведь белая магия слова -
Как магия белого снега!

Кажется, самому себе он твердил все эти годы:

Ищи! Начни опять и снова!
И, может быть, в распадках строк
Качнется солнечное СЛОВО
- Чуть приоткрывшийся цветок.

Так и жил Игорь Киселев в литературе. Он никуда не торопился. Но он успел увидеть то, что хотел увидеть. И успел сказать многое из того, что хотел сказать. Это совсем не мало - пять книг за два десятилетия поэтической работы. Если, конечно, говорить о литературе всерьез.

...Откройте любую страницу сборника «Ночные реки». Вот он, поэтический мир Игоря Киселева. Этот мир гармоничен и делен, несмотря на бури, грозы, дожди и снега: они по-своему присущи человеческой душе, как и любой частице живой природы. Перед нами мир романтический. Здесь, конечно, живет мечта. Здесь есть лирический герой. За бытом он видит бытие. И он невольно испытывает свою мечту в чередѣ дней, в сумятице двадцатого века.

С чего начинается поэзия? С неуловимого другими, но не дающего тебе покоя жизненного ритма. Ты несешь ритм в себе как некую, еще не проявленную ценность. А потом он становится основой поэтического произведения. И основой открытия, которое сделает для читателя автор.

Грусть, пожалуй, самое естественное и устойчивое состояние духа в лирике Игоря Киселева. Утверждаю это, но боюсь: обвинит кто-то автора в излишнем миноре. Грусть вообще свойственна лирике. Грусть свойственна раздумью - моменту жизни человека, когда он оглядывается

назад и видит кружение листьев. Желтых листьев осени или белых листков календаря.

В одном из лучших стихотворений Игоря Киселева этот момент запечатлен точно. Вот начало и развитие такого мироощущения:

От музыки негромкой,
От снега за окном
Печаль бочком-сторонкой
Неслышно входит в дом.
Присяду, одинокий,
За краешек стола
И повторяю строки:
«Печаль моя светла...»

Здесь есть что-то от М. Светлова: у него грусть всегда соседствует с мягкой улыбкой. И, конечно, уместно проходящее через все стихотворение пушкинское - «печаль моя светла».

В стихах Игоря Киселева у грусти много названий. И много оттенков. Но эта грусть неизменно мужественна. В полном согласии с пушкинской строкой, что похожа на формулу, действительную во все времена. Лирический герой сознает невозвратность дороги, признается сверстнику:

Счастье, как лодка на легкой волне,
Мимо неслось, ненадолго причалило.

Но в человеческом взгляде нет безысходности. Такая позиция героя явно имеет одно преимущество. Восторженные бодряки обычно не видят рядом с собой ничего, что может нарушить их оптимизм. Герой Игоря Киселева, как всегда было в русской поэзии, ощущает «все несовершенство мира». Он откликается на зов чужого горя. Он казнит себя, если не в силах помочь. Так появится в одном из стихотворений образ «чужих трагедий». Это «угрюмые птицы»: они «крыльями машут в окне» поэта, висят стаями над его головой, не дают прохода, стучатся в двери. Они так мешают жить. Но однажды придет как озарение:

Чужие трагедии
- Песня моя и судьба...

Да, мир Игоря Киселева это вовсе не камерный - это открытый поэтический мир. И многие его стихи - новеллы человеческой жизни. Здесь сходятся вместе пограничники, убитые 22 июня 1941-го; пленные немцы, что роют картошку в русской деревне; старый сибирский живописец; кочующие цыгане. Мы слышим музыку военного детства поэта - «хриплые песни» из картонного репродуктора. Мы попадаем в маленький кузбасский городок Мариинск, так похожий на деревянный цветок...

Сюжет иных новелл прост. И традиционны герои. Ну, например: он, она, годы. Но не прост другой сюжет - внутренний, определенный

сложностью нравственного чувства. Таковы «Стихи о Наташе Ростовской»: в них история первой школьной любви волнует именно своей обычностью. Читатель снова прощается и со своей Наташей Ростовской. В вечной повторяемости одной ситуации он видит мудрость жизни:

...Здесь по-прежнему сумерки бредят цветами,
И под теми же кленами,
Не на виду,
Задыхаясь, к кому-то бежит на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду.

Эта ситуация давно уже освоена искусством. Но банальные сюжеты у Игоря Киселева перестают быть таковыми: они соприкасаются с истинностью человеческой боли.

А что же привносят годы в стихи? Вот первое - может быть, самое очевидное. Поэзия Игоря Киселева с годами все настойчивее избегает помпезности, любой, пусть даже никому не заметной, кроме героя, фальши. Сюжетно это очень резко выявлено в стихотворении «К вопросу о хоровом пении». Два конкретных эпизода детства и юности заставляют героя перестать доверять искренности хора. Игорь Киселев посвящает этому неожиданно суровые строки:

Ведь в хоре, как его ни слушай,
Едва ли различишь на вид,
Кто в песню вкладывает душу.
А кто губами шевелит.

Стихотворение многозначно. Хотя гражданский пафос поэта не вызывает сомнений. Хотя автор и делает необходимое уточнение.

Я знаю, тут раздолье спорам,
Любой возможен поворот.
Народ умеет петь.

Но с хором
Не надо сравнивать народ.

Движение поэзии не движение поезда; оно может происходить сразу в двух направлениях, параллельно. Во-первых, усилилась философичность стихов Игоря Киселева. Во-вторых, сменились учителя и литературные кумиры. Впрочем, это как раз между собою связано. Когда-то И. Киселев писал:

Лету еще не пора догорать.
В зарослях мяты, смородины, щавеля,
Но по зеленому
желтая прядь -

Нота прощания.

Конечно, здесь слышны интонации Андрея Вознесенского. Его самобытность столь «концентрирована», что даже, отразившись в стихах современников мельком, как бы заглушает чужую индивидуальность. У Игоря Киселева появились другие учителя. Поздний Николай Заболоцкий, Михаил Светлов, отчасти - Ярослав Смеляков. Их влияние ощущается не столько в строе стиха, сколько в его сердцевине. В стремлении строки охватить ход бытия. В способе осмыслить этот ход.

О чем они, размышления поэта?

Привычная аббревиатура - НТР - кажется, ни разу не появилась у Игоря Киселева. Однако научно-техническая революция влияет на его стихи, как и на творчество любого другого поэта второй половины XX века. Игорь Киселев избегает крайностей, болезненно ощутимых порой в современной поэзии. Он не становится бардом НТР, ее восторженным певцом. Но не является и ее ниспровергателем, видящим в НТР начала и концы всех бед современности. Конечно, у поэта вырвется радостно:

А все же есть на свете
Среди иных чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес.

Поэт вздохнет, в который раз увидев:

Бредут в метель устало,
Сводя тебя с ума,
Квадратные кварталы,
Квадратные дома.

Здесь тоска о забытой нами природе; тягостное чувство от мертвящего шаблона городской архитектуры. Но здесь нет попытки встать поперек исторического движения. Игорь Киселев пишет о другом. О нравственной проверке, которой подвергает человек научно-техническую революцию. И о нравственной проверке, которой подвергает научно-техническая революция самого человека. Монолог «Молитва лани» - из цикла «Стихи, написанные в Алма-Атинском зоопарке». В поэзии все возможно: удивляет не то, что лань обращается к одному из посетителей - в этом монологе вдруг заденет нас пронзительная деталь:

- Посмотри: на твое лицо
Тень от клетки моей ложится!..

А в стихотворении «Быть в ответе», традиционном по замыслу, внезапно ощущение автора:

Мне кажется, жалеют нас леса.
И небеса.

Ощущение неожиданное. Но оно характерно и для других стихов Киселева. Вместо призывов проявить гуманность к природе — осознание себя равноправной частью «и леса, и птиц, и травы». Вот когда лирический герой Игоря Киселева воспринимает духом. В огромном городе, плывя в толпе, как «инопланетянин среди неведомых существ», он прижмется спиной к дереву. И обретет друга. «Оно со мной шепталось сонным. И не давало мне упасть. Своим спокойствием зеленым со мной доверчиво делюсь».

Шептало дерево, что люди
Не одиноки на земле...

Другие проблемы в лирическом дневнике Игоря Киселева - это проблемы, остающиеся всегда. Обостренные той же научно-технической революцией или, напротив, чуть отодвинутые в сторону, но не отмененные ею.

Почему поэты думают о «связи времен»? Потому что поэзия и есть то, что соединяет разорванные безвременьем годы, людей, чьи имена забыты, но которые жили, страдали, может быть, думали о нас. Игорь Киселев отправляется в прошлое естественно, как отправляются на прогулку. Без долгих сборов, без исторических экскурсов:

Слетает с берез позолота,
И небо прохладой звенит.
Есть в сумерках властное что-то,
Какой-то печальный магнит.

Сумерки для поэта лучше машины времени. Сумерки на земле одинаковы - и тысячу лет назад, и тысячу лет спустя. В дали истории отыскивают прославленных героев или очевидцев известных событий. Игорь Киселев отыскивал собственного пращура. «Закончивший день свой нелегкий», тот просто сидел на берегу реки.

...И думал, что день уже прожит.
Что птиц прекратилась возня,
Что поздно.
Что завтра, быть может,
Уже не увидит он дня.

Археологи раскапывают следы материальной культуры человечества. Поэт «раскапывает» давным-давно ушедшую жизнь души. И, оказывается, она так похожа на твою. Оказывается, все, что тревожит тебя, уже было...

И здесь ты найдешь утешение, будто согреешься у чужого костра. А, может, найдешь и урок?

В стихотворении «Сумерки» - лицо поэзии Игоря Киселева. Есть поэты, которые пишут бесконечные репортажи из собственного быта. Репортажи бывают интересными, но иногда думаешь все же: зачем? Есть поэты, что сразу пишут «итоги», осмысление, но в их стихах скучаешь по конкретным деталям, реалиям жизни. Игорь Киселев удачно сочетает непосредственное лирическое чувствование и его анализ. Он явно следует традиции Заболоцкого. «Философия жизни» растворяется в пейзаже, проступает одной, но емкой строчкой в финале.

Разумеется, иногда сам замысел диктует другой способ поэтического мышления. Порой в основе стихотворения логические построения. Вот притча - жанр, вообще-то не свойственный Игорю Киселеву («Человек начинается с «не»...»). Перед нами словесные формулы: они выражают становление личности. Формулы исключают друг друга. Однако каждая верна. Не правда ли, «человек начинается с «не» («Не хочу! Не буду! Не стану!»). Не правда ли, человек начинается с «да» («Да, хочу!», «Да, буду!», «Да, люблю!»). А может быть, все-таки «по-настоящему человек начинается с «но»? («Но» - сигнал о работе мысли»). Все так, каждый раз соглашаемся с автором. «Но счастье не в этом», - неожиданно говорит поэт.

И все же истинная стихия Игоря Киселева - это стихия открытого проявления лирического чувства.

...Что такое любовь? - вновь и вновь «наивно» спрашивает поэта читатель у финиша XX столетия. Выжила ли она? Прошла ли через войны, предательства, безверие, столкновение идей, культур, открытий и бешеный ритм последних десятилетий?

Этот вопрос задают себе и поэты. Они не могут уйти от ответа. Когда Игорь Киселев говорит о любви, в голосе есть «плохо объяснимая тоска», но нет сомнений. Он различает шаги любви и в городской толпе, и в пустынном переулке. Слышите?

Вот опять и легко, и неровно
Простучали ее каблучки,
И хранят за оградой бревна
Теплый след ее быстрой руки.

На страницах своих книг поэт набрасывает множество женских профилей. Думает об их вечной загадке. Автор вглядывается в угловатого подростка, наблюдает: «из грусти и света, улыбок и слез» возникает характер. А вот другие лица:

В них что-то есть от скорого прощанья,
Как светлый дождь, сквозят они по мгле,
В себе невозмутимо воплощая

Все лучшее, что было на земле.

Это и есть идеал: в такие лица «украдкой смотрится природа, как в созданные ею зеркала». Но «на нашей слишком занятой земле», знает поэт, идеал сохранить трудно. Он тревожится: неужели «сильный ветер века вот-вот погасит эти огоньки»? Отсюда - трагические ноты. Так рождается драматизм во многих стихах Игоря Киселева. Впрочем, не только век, забывающий о чувствах, виноват перед любимой поэта. Мотив собственной непоправимой вины - один из постоянных у Игоря Киселева. Это приводит лирического героя к беспощадной для себя исповеди. И он снова отправляется дорогами одиночества, веры, обретения.

Но как бы то ни было, любовь в лирике Игоря Киселева - то бесспорное, что оправдывает ушедшие годы. Те мгновения жизни, которые, пусть оставляя привкус горечи, кажутся истинными. И автор посреди усталости, разочарований отыскивает эти мгновения в памяти. Слышит смех женщины и видит летящие качели в осеннем парке под Ригой. Или - потерявшуюся во времени тополиную аллею. Или - «тихую пляску вечернего снега», чьи-то песни, чью-то тонкую руку...

Все это не умрет! - поэзия как раз и живет памятью. Нужно только перелистать ее страницы.

- Переверни страницу,
Переверни страницу, -

настойчиво обращается поэт к своей любимой. А, может, и к нам. Когда в 1966 году на кемеровском семинаре молодых литераторов Западной Сибири и Урала обсуждались стихи Игоря Киселева, ему предсказывали удачный путь в литературе. Предсказания сбываются не всегда. Бывает обманчивой и яркость дебюта. Сам поэт однажды заметил:

То что путь был интересно начат –
Это, в общем, слишком мало значит.

Но его путь действительно оказался проложенным верно. Потому что в главном совпал с вечной дорогой людей. Друг к другу. К миру. Идешь, чтобы понять: зачем ты пришел на эту землю? Живешь, чтобы открыть: кто же ты сам? ...Так жил и поэт Игорь Киселев. Трудно говорить о нем в прошедшем времени. Тяжело вписывать в уже готовую статью слово «был».

Но отраднo сознавать: его стихам по-прежнему предстоит дальняя дорога...

1980—1982 г.